Выходитъ
въ каждую пятницу.
Адресъ Редакціи и Администраціи:
„ЛЕМКО“
Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 30. Горлицы, середа (13. августа) 31. іюля 1913 года. Годъ III.

Поглядайте въ обыстю старыхъ книжекъ и листôвъ!

Стары книжкы и листы, писаны рукомъ и друкуваны, всякого рода и содержанія, — якъ то: церковны книгы и поученія, житія святыхъ, пѣсни, исторіи повѣданкы, хоцъ бы были и цѣлкомъ подерты и побабраны, просиме барзъ гардѣ прислати намъ пôдъ адресомъ:

Редакція „Лемко“ Горлицы.

Хто намъ пришле, надрукуеме його имено, — а если буде вартала дашто його книжка, або писмо, та и тото надрукуеме! Ба не лемъ же надрукуеме, — але достане назадъ и свою книжку — и нову книжку и грощи!

Та лемъ глядайте старыхъ книжокъ и писемъ, такыхъ съ дѣда прадѣда, бо чѣмъ старше, та лѣпше. А скорѣ, — покля слота зазрѣйте по кутахъ.

Кошта посылкы звернеме.

Редакція „Лемко“.

Гоненія на православную вѣру.

Официальнымъ переходомъ въ православную вѣру русского народа въ Австріи заинтересованый цѣлый свѣтъ. Въ першôй мѣрѣ заинтересовалися наши русски православны братья въ Россіи и щиро-русски газеты выступають передъ свѣтомъ въ нашой оборонѣ, — русски люде сочувствують намъ и требують отъ православной церкви для насъ момочи.

Заинтересовалася нами и англійска пресса, ба даже славный англикъ г. Бирбекъ, котрый гостилъ въ нашихъ православныхъ селахъ, выдавъ въ Англіи цѣлу книжку о гôрькôмъ житю православныхъ въ Австріи. — Розуміеся, што нашому нѣмецко-польскому правительству было прикро читати и слухати о йото некультурныхъ гоненіяхъ за вѣру въ XX. вѣцѣ, въ вѣцѣ, въ котрôмъ каждый чоловѣкъ признаный чоловѣкомъ, коли шануеся его переконаня — а тымъ больше переконаня въ святой вѣрѣ.

Нѣмецко-польско-жидôвскы газеты зачали заперечувати тому, — якобы въ Австріи переслѣдували за православную вѣру, але же тымъ газетамъ свѣтъ не дае николи вѣры, бо носять марку неправдомовности, тай покликалися на правдомовность такихъ „свѣтилъ“ православной церкви, якъ „архипастыри“ черновецкій и будапештенскій, для котрыхъ патріархомъ естъ австрійскій министръ! Видѣла и сама Австрія, што такымъ свѣдкамъ Европа вѣры не дастъ, — тай поставила ищы едного „авторитетного“ въ справахъ православной вѣры русского народа, греческого консуля въ Вѣдни! Тотъ заявивъ въ нѣмецко-жидôвскôй газетѣ (Neue Freie Presse), што въ Австріи переслѣдованя за православную вѣру нѣтъ! — Але ищи смѣшнѣйше, бо жидôвска газета изъ Россіи „Рѣчь“ пыталася нашого „кохонагого“ грабього Шептыцкого, ци преслѣдують въ насъ православныхъ! — Лѣпше зробила бы „Рѣчь“, если бы звѣдалася якого рабина съ Тухова, або зъ Бобовы, а може бы ѣй скорѣ правду повѣлъ...

Мы цѣкавы, чомъ тоты митрополите, тоты консулѣ, тоты редакторе отъ „Рѣчи“ не придутъ ту до насъ, межи народъ, чомъ они лемъ слухають, читають, пишутъ, бесѣдують, а боятся видѣти!?

Чи они знають, што въ насъ кôлька православныхъ селъ три лѣта безъ церковныхъ требъ, — ци они знають, што бѣдный народъ мусить платити десяткротны податкы, муситъ утримувати комисарôвъ, — не може розпоряджатися своимъ маеткомъ, ци они знають, же жандармы мѣшають имъ молитися?

Ци они знають, же коли пріѣхавъ въ Грабъ православный священникъ о. Сандовичъ и крестьяне сами его утримували, тѣшилися, — а рядъ съ пôдъ серця народа его вырвалъ и въ тюрьму посадилъ, — где томится безъ суда уже два лѣта?! А жителѣ села Грабъ осталися, якъ сироты безъ отца?

Ци они знають, што того року пріѣхалъ православный священникъ о. Соловій въ Грабъ, освятилъ пасху и зато томился 10 дней въ ясельской тюрьмѣ? А коли его выпустили на волю, пôшовъ въ православное село Долге и тамъ хотѣвъ окрестити новорожденныхъ, потѣшити умирающихъ, а коли надѣлъ на себе священническу одежу, явили ся жандармы, здерли ю съ него и повлекли въ горлицкую тюрьму?

Жебы вы фарисеи видѣли, якъ тотъ бѣдный народъ плакалъ, якъ просилъ, штобы ему не отнимали пастыря, — штобы вы выдѣли лемъ частъ тыхъ слезъ, — котры выляли православны на Лемковщинѣ!

Ци вы знате, — што горлицкій староста панъ Мичка бавится въ Нерона и тымъ собѣ заслугуе ласку правительства.

А ци Вы знате, же коли безвинного о. Соловія въ десятый разъ выпустили съ тюрьмы и ôнъ зновь удався въ православное село Долге, жебы разомъ съ вѣрныма молитися Богу и покрѣпляти ихъ на душѣ, а коли **въ недѣлю дня 10. н. ст. августа правилъ богослуженіе, впали жандармы, здерли зъ него ризы, забрали своима брудныма руками** (Боже прости имъ, бо не знають што творять) **Пренайсвятѣйши Дары, Чашу и всьо принесли пану старостѣ въ Горлицяхъ,** — а бѣдного священника зновь въ тюрьму посадили?!

Вы не звѣдуйтеся австрійскихъ урядниковъ о гоненіяхъ на православную вѣру, — бо винный рѣдко признаеся до вины, злодѣй до крадежи, але звѣдайтеся того, — што терпитъ, звѣдайте ся народа православного, котрый неправды не повѣстъ, преконайтеся на мѣсци, — а втоды будете говорити и писати, ци преслѣдуютъ русскій народъ за православную вѣру въ Австріи, ци нѣтъ! Вмѣсто грецкого консуля, австрійскихъ митрополитовъ и жидовскихъ газетъ, котрыхъ ани свербитъ, ани болитъ терпѣнье русского хлопа, — мы поставиме вамъ тысячи вѣрного русского православного народа, — котрый самъ терпитъ за вѣру, а онъ повѣстъ, — ци преслѣдуютъ православныхъ въ Австріи!

Але то клопотъ, же циганъ пытатъ о правду цигана, — глядатъ правды коло себе, а правду триматъ въ рукахъ!

Іуда предатель.

Кто соромъ сорве намъ съ груди?
А его мати русская родила,
Съ думочокъ русскихъ колыску свивала,
Русское сердце подъ головку клала,
Русскими гадки, душою поила,
Кормила русскими труды!

Н. Л. Устіяновичъ.

Въ попередномъ числѣ „Лемка“ — была помѣщена допись изъ Святковой о священнику Жуку, — котрый въ церкви робитъ вѣче политичное, чѣмъ творитъ соблазнь и раздоръ медже мирными русскими крестьянами, чого яко свящ. дѣлати неповиненъ. Знаеме, же Христосъ малъ 12 апостоловъ, а медже котрыма былъ Іуда предатель Христа.

И хотьяй Юдѣ при Христѣ якъ добрѣ было, то таки сребренники прельстили его и онъ тайно здрадилъ и продалъ Христа жидамъ. Юда не зробилъ того съ переконанья — же такъ добрѣ буде, лемъ съ жажды забагло ся му пѣнязи и подумалъ собѣ, нехай што хоче буде, лемъ бы пѣнязи были.

Подобна исторія — съ ксьендзомъ Жукомъ. Чи ксьендзъ Жукъ съ переконанья украинецъ? Нѣтъ! Ксьендзъ Жукъ бывши еще малымъ хлопятьомъ, зоставъ принятымъ за протекціомъ пралата Войтовича до дьяковского института въ Перемышлѣ на дволѣтну науку дьяковску. Въ часѣ той наукы подготовился при помочи пралата Войтовича до испита гимназіяльного въ Сяноку. — Съ Сянока о. Войтовичъ забралъ его назадъ въ Перемышль и умѣстилъ его безплатно въ дьяковскомъ институтѣ, где былъ черезъ колька роковъ, до VI. клясы гимназіяльнои. Въ томъ часѣ, кустосъ капитулы пралатъ Подолинскій заядлий мазепинецъ, супротивился дальшому побытью Жука въ институтѣ, — котрый тогды уходилъ за твердого руснака и высмѣвалъ укаинцѣвъ, о. Войтовичъ радъ не радъ подъ напоромъ о Подолинского, — взявъ Жука съ института ко собѣ на станцію, где и докончилъ прочіи двѣ кляси т. е. сему и восму гимназіяльну.

Такъ отже Жукъ малъ стати правдивымъ глашатаемъ Христовой науки и для русского народа малъ быти розрадою и потѣхомъ. И сталося чудо, бо въ протягу четырьохъ лѣтъ въ духовной семинаріи, Жукъ сталъ ся съ твердого руснака, мягкій мазепа ренегатъ, а то тому што яко мазепѣ усмѣхалася добра и тлуста парафія, — а за парафіомъ отъ „Костя“ пельеринка и золотый крестъ на груди, а яко русскому священнику — найвыже добра голодовку.

Вотъ хитрый мазепинецъ! — Такій человѣкъ то хиба безъ идеи, безъ совѣсти и чести, если онъ за юдинъ грошъ такъ скоро и подло мѣнятъ свои русскы убѣжденія. — Такого то уже неможъ иначе назвати якъ лемъ русскимъ юдою — предателемъ.

А теперь спытаюся:
„Кто соромъ сорве намъ съ груди?
А его мати русская родила“.

Надъ томъ мало кто призадумуеся, або и совсѣмъ никто ничь, што найлѣпшимъ доказомъ естъ такое множество предательевъ мазеповъ, повставшихъ съ нашого табора. — А то повинна быти перша и найголовнѣйша цѣль и задача нашихъ воспитательевъ не выховувати на ренегатовъ-янычаровъ на свою погибель.

Наше общество русское — должно мати за воспитательевъ такихъ людей, — котры бы умѣли повѣренну имъ дѣтвору немножко идейнѣйше чѣмъ до теперь воспитовати, — серца молодыхъ дѣтей должны бы пересякнути русскою идеею, загипнотизоватися въ ней, а коли идея у нихъ буде идеею чистою и взнеслою по надъ всьо, а не лемъ средствомъ до

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

Въ Псковѣ, въ Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, почиваетъ его основательница, память которой почитается псковитянами, — княгиня Софронія (въ иночествѣ Евпраксія). Супругъ ея, сынъ псковскаго князя, Ярополкъ, безпокойно и мятежно провелъ свой вѣкъ; былъ то врагомъ, то союзникомъ нѣмцевъ, постоянныхъ непріятелей Пскова. Онъ, наконецъ отверъ свою благочестивую супругу, — ушелъ къ рыцарямъ и женился на нѣмкѣ. Княгиня постриглась въ основанномъ ею монастырѣ. Однажды была она вызвана для свиданія съ мужемъ въ Оденпе (Медвѣжья Голова) и здѣсь убита пасынкомъ 8 мая 1243 г.

Чрезъ нѣсколько дней по ея погребеніи въ Псковѣ икона Спаса надъ ея могилой обильно источила миро. Икона и понынѣ находится тамъ. Св. княгиня Евпраксія славилась въ Россіи какъ памятью добродѣтельной и грустной жизни, такъ и чудесами.

Старшая дочь князя Михаила Черниговскаго, который прославился потомъ мученическою кончиной въ ордѣ, княжна Феодрлія, съ дѣтства благочестивая, не думала о жизни въ міру. — Родители ея хотѣли выдать ее замужъ за князя Мину, который жилъ въ Суздалѣ и былъ потомкомъ варяжскаго князя Шимона, — много способствовавшаго преп. Антонію и Феодосію Кіево-Печерскимъ въ украшеніи церквей. Не противясь волѣ родителей, покорная княжна въ душѣ тосковала, — что этимъ бракомъ она будетъ лишена иночества. Ее везли уже въ Суздаль, какъ женихъ скончался. Принявъ это за указаніе Божіе, она уже не вернулась къ родителямъ. Она доѣхала до Суздаля и приняла здѣсь постригъ въ Ризпозоженскомъ монастырѣ, съ именемъ Евфросиніи. Всю жизнь провела она здѣсь въ строгомъ подвижничествѣ, была настоятельницей обители и, когда совершилось нашествіе на Русь Батыя, сохранила монастырь своими молитвами отъ разоренія. Она преставилась 25 сентября 1250 г. Въ 1698 г. ея мощи обрѣтены нетлѣнными и положены въ соборномъ храмѣ ея обители.

Въ двухъ верстахъ отъ Новгорода, въ древней Петропавловской, обращенной въ кладбищенскую, церкви, уцѣлѣвшей изъ бывшаго здѣсь прежде женскаго монастыря, — почиваютъ мощи бывшей настоятельницы его преп. Харитины, — княжны литовской. Нѣкоторые полагаютъ, что она была невѣстой умершаго передъ самою свадьбой святого князя Феодора Ярославича.

Внука знаменитаго Мстислава Ростиславича Храбраго, дочь праведнаго Мстислава Мстиславича Удалого, великая княгиня Ростислава (въ крещеніи Феодосія) была супругой великаго князя Ярослава Всеволодовича, перваго великаго князя, — занявшаго престолъ уже подъ игомъ татаръ. Вскормилъ большую семью и дѣля съ супругомъ страшное общерусское горе, — гибель родныхъ князей скорбь подневолья, она пережила еще ужасное горе: смерть старшаго, любимаго сына въ цвѣтущей молодости. Покорно приняла она этотъ крестъ, говоря: „Ты, Господи, далъ; Ты и взялъ. Да будетъ благословенно имя Твое“. — Въ концѣ жизни постриглась она съ именемъ Евфросиніи и по кончинѣ (4 мая 1244 г.) схоронена близъ сына въ соборной церкви Юрьевскаго новгородскаго монастыря.

Князь Феодоръ Ярославичъ славился удивительною красотой внѣшнею и возвышенною душой. — По волѣ отца, онъ уже долженъ былъ вступить въ бракъ. Уже готова была невѣста, созваны князья и вельможи, — какъ вдругъ напала на жениха внезапная болѣзнь и, — вмѣсто свадебнаго пира, пришлось положить его въ гробъ (5 іюня 1233 г.). Народъ плакалъ вмѣстѣ съ родителями. Лѣтописецъ зъ такихъ словахъ отмѣчаетъ это событіе: „Представися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вящьшій, — и положенъ бысть въ монастыри святого Георгія (Юрьевъ),

достиженья гоноровъ и славы а передовсѣмъ доброи и легкои наживы, доперва тогды буде мыслима будучность въ рамкахъ національного русла, не росшатанного, якъ то теперь на жаль замѣчаесь.

Весь соромъ за измѣну русской идеи ксьендза Жука падае на о. Войтовича, подъ бокомъ и опѣкую котрого получивъ образованіе и средство до житья, но на жаль не получивъ выхованья въ дусѣ чистой и взнеслой русской національной идеи.

Ксьендзъ Жукъ былъ русскимъ але безъ идеи, а безъ идеи національной — человѣкъ такъ якъ рыба безъ воды — жити не може. И тому и ксьендзя Жука возродилась идея, котрои ему недоставало въ видѣ гоноровъ, славы и гроша; грошъ для него есть всьо и идея и Богъ! — И такой то идеи продажной и измѣнической, якъ видно изъ ксьендза Жука поступковъ, служитъ.

Такимъ самымъ измѣнникомъ - янычаромъ якъ ксьендзъ Жукъ, есть превелебный панъ каноникъ Мих. Дороцкій.

А. Х.

Конкурсъ.

Общество „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ — объявляетъ конкурсъ на пронятіе 30 воспитанниковъ на 1913/14 учебный годъ.

Полная ежемѣсячная плата 25 К., не состоятельнимъ хорошо ведущимся ученикамъ, может быть понижена. Воспитанники которые по 15-го н. ст. августа т. г. не уплатятъ рестанцій за прежные годы не будутъ приняты въ бурсу. Прошенія должны подавати родители или опекуны по 15-го н. ст. августа т. г.

Еслибъ по 15-го н. ст. августа т. г. не вплинуло по крайной мѣрѣ 18 прошеній о принятіе, Об-во не будетъ содерживать бурсы. Отцы или опекуны воспитанниковъ должны вписатся въ члены Об-ва и уплатить на инвентаръ 4 Кор., ученники-же должны имѣть нужное бѣлье и обувь, теплое и легкое платье.

Отъ Совѣта Об-ва „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского вь Н. Санчѣ ул. Ягеллонская 37.

Д-ръ А. П. Гассай — предсѣдатель
Иванъ С. Пилатъ — секретаръ.

Писмо Ваня Гунянки до кума Петра Подлѣсного.

Честный Куме!

Насамперъдъ Васъ барзъ краснѣ, — по тысячъ кротъ разы поздравямъ зо женомъ и дѣточками и довѣдуюся о Вашомъ миломъ здоровлю и поводжиню. Я съ ласки Господа Бога здравъ, а поводжиня мое „хоцъ яке“. Дощь, бѣда коничъ емъ зобравъ згнилый, сѣнце ищы гніе, житко пожалься Боже! Ани южъ чловеку ся о томъ писати не хоче, бо очи сывзами заходятъ, — а ту все лѣе и лѣе и лѣе.

Читамъ въ газетахъ, же сутъ околицѣ въ нашомъ краю, де людямъ и хлѣбусь и худобку и будынки позаберало, ба и самыхъ люди масса зводомъ пошло! — Кара якыса кумцю, кара!

Бо то людьомъ непреддобрымъ выдивяютъ, мучатъ едны другыхъ, ошукуютъ, крадутъ, офицеровъ робятъ арцибискупами, а правдивыхъ слуговъ Божихъ въ темницахъ тримаютъ, злодѣѣ ходятъ вольно, а люде честны терпятъ, — нема справедливости на томъ сьвѣтѣ, — нема милосердія, каждый лемъ жебы самъ напольнивъ свой животъ, — каждый лемъ жебы глупого выкорыставъ, ошукавъ. Добрѣ людьомъ было, роскошъ, выдумали украïну, — политику, — тай жрутся, грѣшатъ. Бѣда кумцю!

Ваше писмо я пречитавъ и барзъ ся втѣшивъ жесте о мѣ не забыли. Не мавъ я часу Вамъ перше отписати, бо мя не было дома, потомъ засъ было дуже роботы, тай часъ зышовъ. — Вы певнѣ цѣкавы, де я былъ? Былъ я въ нашомъ святомъ городѣ Кіевѣ, поклонився святымъ мощамъ, — святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Теодосія печерскихъ, — звидѣвъ наши стари святынѣ и пямяткы, звидѣвъ и выставу розуму людского. Но о томъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь постарамся отповѣсти на Ваше писмо, написане изъ щирого хлопского серця.

Чесный куме! Скаржитеся, же при выборахъ до Сойму въ Санчѣ, не было жадного порядку, не было, якъ Вы звете „организаціи“. Ваша правда! — Я Васъ потѣшити можу лемъ тымъ, же то не

и еще младъ, и кто не пожалуетъ сего? Сватба пристроена, меды уварены, невѣста приведена, князи позвани, — и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе за грѣхи наши“.

Когда въ 1614 г. шведы взяли Новгородъ, они вынули гробъ святого князя Феодора изъ земли и открыли его. — Митрополитъ новгородскій Исидоръ перенесъ гробъ въ Софійскій соборъ. — Мощи оказались не только нетлѣнными, но отъ нихъ совершались и многія чудеся. Онѣ почиваютъ открыто въ серебряной ракѣ. Этотъ князь былъ старшій братъ св. Александра Невскаго.

Въ Переяславскомъ (II. Залѣсскомъ) соборѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Андрея, князя смоленскаго (XIII. вѣка).

XI.

Св. Петръ и Февронія муромскіе. Великій князь Константинъ Всеволодовичъ.

Полна необыкновенныхъ обстоятельствъ была жизнь святыхъ супруговъ князей муромскихъ.

Младшій братъ удѣльнаго князя муромскаго, Давидъ, въ молодыхъ лѣтахъ тяжело заболѣлъ: все его тѣло покрылось струпьями. — Въ той странѣ славилась красотой и умомъ дочь пчельника, именемъ Евфросинія. — Она вылѣчила его мазью. Князь въ радости далъ обѣщаніе, жениться на ней. — Но потомъ, какъ прошла первая радость, онъ раздумалъ, находя, что неприлично ему жениться на дѣвушкѣ столь незначительнаго происхожденія. Послѣ такого рѣшенія болѣзнь снова напала на него, и Евфросинія опять излѣчила больного. Тогда Давидъ женился на ней. Пришло время, онъ сталъ послѣ брата наслѣдникомъ престола Муромскаго. Но бояре муромскіе объявили ему: — „Твоя жена оскобляетъ своимъ происхожденіемъ нашихъ боярынь; или отпусти ее, или уходи изъ Мурома“. — Хорошо поступилъ тутъ князь — онъ рѣшилъ лучше остаться вѣрнывъ супругѣ, съ которого былъ вѣнчанъ предъ алтаремъ и которая столько сдѣлала для него, — чѣмъ безъ нея пользоваться властію, — и ушелъ изъ Мурома.

Жертва эта была не легка. — Онъ долженъ былъ вести очень скудную жизнь и часто тѣмъ скучалъ. Но его разумная и крѣпко вѣровавшая въ милость Божію княгиня говорила ему: — „Не печалься, князь, — Богъ милосердъ и не оставитъ насъ въ бѣдности“. — И дѣйствительно, скоро въ Муромѣ пошли неуряеицы, и князя Давида просили обратно на княженіе.

Правленіе его было мудрымъ: твердое, но мягкое, милостиве, и не злобное. Бо всемъ княгиня помагала ему совѣтами, больше же всего прилежала добрымъ дѣламъ.

Испытавъ униженіе и бѣдность, они не знали ни гордости, ни жадности къ деньгамъ. Зная, что такое нужда, покоили странниковъ, помагали обездоленнымъ, — почитали чинъ священническій и иноческій. Въ частномъ быту они жили жизнью чистою, цѣломудренною и постническою. Достигнувъ старости, они единовременно приняли монашество. Князь съ именемъ Петра, а княгиня—съ именемъ Февроніи. Скончались они на пасхальной недѣлѣ 1228 г. и положемы, какъ завѣщали, — въ одномъ гробѣ.

Преподобный князь Петръ и преподобная княгиня Февронія, — муромскіе чудотворцы, почиваютъ въ муромскомъ соборѣ.

Остановимся на жизни еще одного праведнаго великаго князя Константина Всеволодовича.

Сынъ знаменитаго государственнымъ разумомъ великаго князя Всеволода Юрьевича и праведной Маріи, родной по отцу племянникъ св. Андрея Боголюбскаго, онъ съ раннихъ лѣтъ слышалъ и видѣлъ вокругъ себя примѣры доброй жизни.

Двадцатилѣтнимъ отецъ отправилъ его княжить въ Новгородъ, уже славнаго мудростью, великодушіемъ и добродѣтелями христіанскими. Его такъ любили во Владимірѣ, что отъѣздъ его всѣхъ опечалилъ. Бѣдные въ особенности горевали, что лишіются своего благотворителя. —

лемъ въ Санчѣ, але правѣ въ жаднôмъ повѣтѣ порядку не было. — Кумичку любый, въ насъ дѣеся зле...

Меже нашима русскима панами нема порядку, бо шитки розказуютъ, а слухати нихто не хоче, а каждый хоче, — жебы його шитки слухали. Кумичку золотый! Въ насъ панове ся ѣдятъ, — еденъ пôдъ другымъ копатъ, такого, — котрого бы можъ слухати, та ся позбудутъ и сами ся сварятъ. Въ насъ естъ дуже такыхъ „патріотôвъ", — котры на патріотизмѣ хотятъ интересы робити. А до того ищы гнетутъ насъ поляки, гнете насъ правительство, ограничаютъ намъ нашу волю, якой мы въ конституцийной державѣ повинни уживати. — Зле кумцю, зле! — Въ насъ мѣшаютъ справы народны съ личныма, значитъ, если Вамъ куме придарится, же мате въ керпци дзюру, то повѣдятъ, — же вы не патріота и если спрôбуете дакого крытыкувати въ справѣ народнôй, та Вамъ повѣстъ: „Ты будъ тихо, бо машъ дзюравый керпецъ!" — И вы плюнете и дате покôй.

Маме бурсы, касы! — Але штожъ съ того? Посвярятся предсѣдателѣ и секретаре, деректоре и писаре, бо каждому здается, же бôльшій одъ другого, — же мудрійшій надъ всѣхъ, дашто препише, дашто недопише и бухъ! Сваръ, крикъ, несчестя! — Потомъ допѣро выходитъ и правда и байкы наверхъ, потôмъ допѣро видно, якъ наша, такъ звана „интелигенція" летитъ на лепъ долину.

Великій русскій писатель Тургеневъ повѣвъ въ однôй своей повѣсти: „Русскій народъ, великій народъ, но такъ зовимая русская интелигенція, дрань!" И смотте: Коли наша частъ Руси была пôдъ Польщомъ, наши панове, наша интелигенція покинула свой народъ простый и прешла до полякôвъ! — Если бы наши панове осталися съ нами, если бы не поробилися поляками Сангушки, Потоцки, Шептицки, Дѣдушицки, — то мы нынѣ стояли бы въ Галичинѣ на тôмъ мѣсци, на котрôмъ стоятъ поляки. — Мы выховали другу интелигенцію, новомодну. Мыслиме собѣ: Та панове панами, — нема ся имъ што дивувати, же насъ опустили, бо то деликатне, та не може такъ терпѣти, — але теперь, якъ выгодуеме своихъ, хлопскихъ панôвъ, та они южъ будутъ съ нами, бо они наша хлопска кровь"!

Але што ся стало? — Наша тота хлопска унтелигенція, а въ каждôмъ разѣ бôльша ей частъ опустила насъ и прешла до нѣмецко-польского, — такъ званого украиского жолоба.

Дахто може повѣстъ, же то лемъ въ насъ, въ Галичинѣ такъ. Нѣ, такъ на нашой цѣлой Руси. — Въ России бôльша частъ интелигенции перикочувала въ жидôвско-польско-калмицкій обозъ и боронитъ справъ всѣхъ другыхъ народôвъ, — лемъ не справъ народа русского.

Зрештомъ куме коханый, шкода ся о тôмъ розписувати, бо мы оба того не поправиме! — Лѣпше мѣ напиште, ци ся зберате до Кіева, ци нѣ. — Знате, якъ поляки дорожатъ своимъ Краковомъ, — Вавельомъ!

Зрештомъ будте мѣ здравенькы! — Грызти ся барзъ не грызте, дастъ Господь Богъ, же незгинеме! — Поздравте свою стару. — Вашъ кумъ

Ваньо Гунянка.

Кусъ съ политикы.

На Балканахъ миръ.

Не хотѣлися погодити сами, та погодила ихъ Румунія, але за тоту погоду вынагородилася порядно, — бо забрала Болгаріи гардый фалатокъ землѣ.

Въ столицѣ Румыніи, Букарештѣ, — заключенъ миръ зо стратомъ Болгаріи, по ей власной винѣ. — Теперь допѣро выяснилося, хто побудивъ Болгарію до вôйны съ союзниками Сербіомъ и Греціомъ. Выяснятъ то еденъ нѣмецъ такъ: Австрія бояляся взросту Сербіи, свого найбôльшого ворога, а боялася противъ ней выступити, — бо за плечами стояла Россія, — тай зачала бунтувати противъ Сербіи Болгарію. — Австрія такъ была певна, што Болгарія розобье и Сербію и Грецію, што сербскы вôйска не вартаютъ ничъ, же пхнула Болгарію на вôйну. Болгарія боялася вправды Румыніи, але австрійскы политики запевнили болгарскихъ, же Румынія ся не рушитъ.

Болгаре тому не услухали рады русского царя, ани мудрыхъ политикôвъ, и зачали вôйну съ Сербами. — Сталося иначе, якъ судили австрійскы политикы. Сербы розбили Болгаръ, Румынія, видячи, што може скористати съ того, — тѣжъ рушилися. Австрія лемъ обѣцювала, але жадной помочи не удѣлила. Россія погнѣвалася на Болгарію зато, — же слухала Австріи не ей и бѣдна, але сама собѣ винна Болгарія, мусѣла заключити тяжкій для себе миръ, бо ей обкроено зо шиткихъ странъ.

Австрія и Россія.

Тоты двѣ державы разъ ся „зышли", што обѣ одного хочутъ, именно „ревизіи трактату", то значитъ, што хотятъ поправити въ тôй угодѣ, — котра запала въ Букарештѣ, декотры мѣстя, розумѣеся, же каждe съ нихъ буде хотѣло поправити по своему и можутся на тôмъ посвирити.

Што робитъ Турція?

А Турція жаднымъ миромъ не интересуеся, лемъ забрала собѣ фалатъ землѣ, Адріанополь, Киркилиссе, хотя въ державы ухвалили тото для Болгаріи и ани не

Отпуская его, отецъ вручилъ ему крестъ и мечъ. — „Иди править народомъ, — сказалъ онъ, будь его судьей и защитникомъ. Новгородъ Великій есть древнѣйшее княженіе въ нашемъ отечествѣ. Богъ, государь и родилель твой даютъ тебѣ старѣйшиоство между всѣми князьями русскими. Гряди съ миромъ. Помни славное имя свое и заслужи его дѣлами".

Трогательно выразилась людовь народная при проводахъ Константина. — Собрался весь городъ, вельможи, купцы и простые люди. Народныя толпы громко осыпали его благословеніями.

Въ Новгородѣ князь, твердый, несмотря на юность и доброту души, зорко оберегалъ свою власть. Горожане засыпали покойно; мятежные страшились.

Но и въ этой свѣтлой жизни было пятно. Въ годъ смерти отецъ вызвалъ къ себѣ Константина и далъ ему въ удѣлъ Ростовское княжество, а потомъ назначилъ его преемникомъ достоинства великокняжескаго, со тѣмъ, чтобъ онъ уступилъ Ростовское княжество слѣдовавшему за нимъ брату Георгію. Но сынъ ослушался отца, желая наслѣдовать великое княжество Суздальское въ цѣлости. — Раздраженный Всеволодъ въ торжественномъ и многочисленномъ собраніи объявилъ своимъ наслѣдникомъ Георгія, — которому онъ и получилъ великую княгиню и младшихъ сыновей. Всѣ безмолвствовали, — какъ ни любили Константина.

Послѣ распрей и столкновеній Константинъ, — съ помощію вступившаго съ нимъ въ союзъ князя Мстислава Мстиславича Удалого (сына св. Мстислава Храбраго) въ штрашномъ бою при Липецкѣ, гдѣ пало 10.000 суздальце-владимірцевъ, одержалъ рѣшительную побѣду надъ Георгіемъ и занялъ великокняжескій престолъ.

Но, достигнувъ своей цѣли, Константинъ сталъ дѣйствовать великодушно: призвалъ Георгія къ себѣ, объявилъ его наслѣдникомъ великаго княженія и далъ ему Суздаль. — Братья искренно примирились.

Чувствуя слабость, — Константинъ три года своего великаго княженія заботился больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ. Можно предполагать, что память о неповиновеніи отцу, распвѣ съ братомъ, пролитой крови — тягостнымъ бременемъ лежала на его душѣ и сокрушила, — изожгла горячимъ раскаяніемъ его великодушную природу. И послѣдніе годы его жизни — мы видимъ его въ томъ исключительно высокомъ настроеніи души, какое обѣщали чудные годы его юности. Простимъ же солнцу то, чло иногда его заволакиваютъ тучи, и будемъ помнить при ясномъ и величавомъ закатѣ о безоблачномъ восходѣ и радостномъ полуднѣ,

Великій князь Константинъ покоилъ несчастныхъ, — раздавалъ милостыню, — строилъ церкви, съ восторгомъ встрѣчалъ святыни, — которыя ему привозили изъ Греціи. — Незадолго до кончины, онъ отправилъ въ Ростовъ старшаго сына, — именемъ Василько, оставившато по себѣ въ русской лѣтописи столь же сочувственный отзывъ, какъ отецъ; другого Всеволода — въ Ярославль; приказалъ имъ жить согласно, благотворить сиротамъ, вдовамъ и духовенству, — чтить Георгія какъ второго отца. Онъ преставился на 33 году, 2 февраля 1219 г. И плакали по немъ бояре, слуги, нищіе и монахи. Супруга его немедленно постриглась надъ его гробомъ и чрезъ два года отошла въ вѣчность.

Восхваляя мудрость и добродѣтель етого князя, лѣтописецъ говоритъ, — что онъ не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и исполнялъ ихъ на дѣлѣ. Онъ весь дышалъ вѣрой; а кротость его была такъ велика, что отъ старался не опечалить ни одного человѣка, а словомъ и дѣломъ утѣшить всякаго.

(Дальше буде).

мыслитъ уступати! Просятъ, грозятъ, але Турція собѣ съ того ничъ не робитъ, — лемъ стѣгатъ армію зъ Азіи и грозитъ, же займе цѣлу Болгарію! — Здается, же подтримуютъ ей въ тôмъ нѣмцѣ, бо сама бы така смѣла не была, а зрештомъ, — если бы всѣ державы европейскы были тому противны, — та южъ давно Турція былабы укарана!

До чого провадитъ славянска незгода.

Очередное годичное обще собраніе членовъ общества „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ, состоится 26 н. ст. августа т. г. въ 2 ч. пополудни, въ собственномъ домѣ по Змигородской ул., по слѣдующей программѣ:

1) Открытіе собранія;
2) Выборъ президіи на время совѣщаній;
3) Чтеніе протокола послѣдняго общаго собранія;
4) Докладъ о дѣяльности Об-ва;
5) Выборъ контрольной коммисіи для провѣрки счетовъ;
6) Принятіе къ свѣдѣнію утвержденія ц. к. Намѣстничествомъ перемѣненнаго статута О-ва;
7) Докладъ контрольной комиссіи;
8) Рѣшеніе абсолюторіи Выдѣту;
9) Выборъ новаго Выдѣла;
10) Выборъ котрольной коммисіи;
11) Дѣло займа на покрытіе дефицита за прошлый адм. годъ;
12) Дѣло покрытія всѣхъ долговъ Общества;
13) Предложенія и запросы членовъ;
14) Закрытіе общаго собранія.

Если бы въ 2 ч. дня не явилось уставомъ предписанное число членовъ, — то въ томъ же день 26 н. ст. августа, въ 3 ч. пополудни, — состоится второе собраніе, уже независимо отъ числа присутствующихъ членовъ (§ 17 уст. Об-ва).

Отъ Правленія Об-ва „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ:

о. Вл. Калужняцкій председатель. *Феодотъ Танчинъ* секретарь.

НОВОСТИ.

Панъ староста ся на насъ розъѣли и наложили на насъ кару 200 Кор. зато, же еденъ нумеръ „Лемка“ не вышолъ! Видите, вы все бесѣдуете, же нашъ панъ староста злы! А якъ они дбаютъ о ваше добро, жебы-сте лемъ читали „Лемка“, бо якъ бы припадкомъ „Лемко“ не вышовъ, та бухъ! И платиме мы 200 К., — друкарь 200 К., издатель 200 К., — або сѣдите въ дзюрѣ, та южъ волиме каждый тыжденъ выдавати.

Ищы намъ и окрестили послѣдный н-ръ „Лемка“, бо сконфискували цѣлый накладъ и мы мусѣли на ново цѣлу газету друковати. Розъѣлися панъ староста!

Вытримаме, пане старосто, вытримаме! Твердый руснакъ, якъ желѣзо, не роскусите го своима злотыма зубами! — Заварилисте для насъ кашу, будете папусяли и вы! Мы ся съ вами пане старосто подѣлиме, хлипнете съ нами. Та тымъ часомъ будте намъ здравенькы...

Отца Соловія забрали жандармы изъ Долгого въ горлицкую тюрьму и при тôмъ допустилися кощунства, якого не допускалися погане. Именно взяли своима брудныма руками пренайсвятѣйше Дары, Чашу и повезли до пана старосты до Горлицъ. — Што то ся дѣе на тôмъ Божôмъ свѣтѣ?

Хто выбератся въ Кіевъ на выставку, — най сейчасъ внесе прошеніе черезъ урядъ громадскій до Староства съ просьбомъ о пашпортъ. Але тымъ ся не задовальняти, бо таке поданя може сидѣти келя мѣсяци, — лемъ треба тамъ чупити въ Староствѣ и домагатися. — Пашпортъ каждому ся належитъ! — На выставку въ Кіевъ ѣдутъ чехи, полякы, нѣмцѣ, то и мы можеме!

Хто хоче ѣхати, най ся сголоситъ до насъ по информаціи.

Шаранча. Изъ Струтина, долинского повѣта доносятъ, — же тамтого тыжня прелетѣла понадъ ихъ село и поля азіатыцка шаранча и полетѣла до гôръ. — Летѣла 4 метры понадъ село и газдове боялися, што впаде на ихъ поля, котры южъ и безъ шаранчи пострадали отъ дощôвъ и водъ.

Грозитъ намъ бѣда, — бо погоды нема, а якъ часомъ сонце блисне, та на коротко, а ту люде коничъ позберали згнилу, сѣна не позберали а южъ зереце зберати треба. На всходѣ бѣда, — вода заляла шытко, въ насъ въ горахъ ищы такой шкоды не наробило, хлѣбусь достъ гардый, — але якъ Панбôгъ погоды не дастъ, та ничъ съ него. — Ой, жебы то змѣсяцъ сонце посвѣтило, дощу не было, та бы зме мали ищы хлѣбця достъ!

Миліонеры. Сутъ такы богаче а найбôльше ихъ въ Америцѣ, — што маютъ тôлько пѣнязи, што не можутъ имъ рады дати. Якъ бы такъ еденъ съ тыхъ богачôвъ взялъ лопату и хтѣвъ вымегати свои пѣнязѣ за вôкно, та бы лемъ процентъ здолялъ вымегати, а капиталъ бы му все зоставъ. Зъ роскошу тоты миліонеры не знаютъ, што робити, житя имъ омерзло. И такъ еденъ съ нихъ шмаривъ свои миліоны и пôшовъ служити до колеѣ, гваритъ, же такъ лѣпше. Другому такъ ся южъ прикрило, што оголосивъ въ газетахъ, же хто му дастъ добрѣ въ пыскъ, то достане 1.000 долярôвъ. Коли пришовъ означеный ден, нихто ся не зъявивъ, бо розумѣеся нихто не вѣривъ, — жебы ся нашовъ на свѣтѣ такій бортакъ, — што каже ся по гамбѣ бити, — ищы добрѣ зато платитъ. Тай коли пришла означена въ газетахъ година, не явився нихто! — Бѣдный миліонеръ добрѣ не плакавъ... Але выручивъ го льокай, бо вышовъ на улицю, нашовъ якисого обдартуса, давъ му десятъ долярôвъ, жебы ся пофагигувавъ його пану дати „въ пыскъ“.

Вагабунда за десятъ долярôвъ бы и забивъ чловека, не лемъ въ тварь бы давъ. — Коли южъ миліонеръ цѣлкомъ стратилъ надѣю, же ся такій добродѣй найде, котрый бы го потѣшивъ въ нудахъ, ажъ двери ся отвераютъ и входитъ вагабунда и съ цѣлой силѣ трепнувъ го по „гамбѣ“. Якже ся здивувалъ, — коли миліонеръ давъ му ищы 1.000 долярôвъ.

Просиме нашихъ подписчикôвъ — вырôвнати пренумерату, бо замовляме календарь, а будеме замовляти лемъ для тыхъ, котры заплатили за цѣлый годъ пренумерату. — Жебы потôмъ не было жалѣвъ!

Пишутъ намъ съ Грабу: Ксьондзъ Кисѣлевскій видячи, што всѣ парохіяне отъ него отвернулися, за його лайдацтва зненавидѣли его и перешли всѣ въ православную вѣру, — покинулъ наше село Грабъ и выѣхавъ въ Америку. Понеже тотъ ксьондзъ знаный съ фалшованя векслей и рôжныхъ ошуствъ, черезъ што продано кôлькомъ газдамъ грунтъ, знаный съ отбераня съ почты грошы пôдъ адресомъ хлопôвъ, котры потôмъ присвоивъ собѣ и зъ рôжныхъ брудныхъ справъ, — мы научены тымъ іезуитомъ, — робиме осторожныма своихъ братôвъ хлопôвъ въ Америцѣ, штобы не дали ся му ошукувати, але выправили го до майнôвъ.

Въ Грабѣ дня 4. н. ст. августа 1913.
І. Руданичъ.

КОНКУРСЪ.

Общество „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ объявляе симъ конкурсъ на принятье 40 учениковъ на 1913 14 шк. рôкъ. Прошенья маютъ вносити родители або опекуны ихъ по 15. серпня н. ст. на адресъ: „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ, ул. Змигородская. Съ прошеньемъ слѣдуе внести свѣдоцтво крещенья и школьное, а если хто проситъ о пониженье мѣсячной доплаты, то и свѣдоцтво убожества. — Кромѣ того треба прислати въ прошеню почтовую марку за 10 гел. на звычайный, а 45 гел. на заказный отвѣтъ. Хто былъ воспитанникомъ Бурсы передъ вакаціями може внести только прошенье; если не внесе прошенья, то не буде принятый въ Бурсу на слѣдующій рôкъ.

Мѣсячная доплата по причинѣ значительного долга Бурсы повысшена на 30 коронъ. — Она може быти понижена ученикамъ бѣднымъ, но съ хорошимъ поведеньемъ и успѣхомъ въ наукахъ.

Всѣ воспитанники маютъ мати: куферокъ на рѣчи, сѣнникъ, 3 простирала, 3 пошевки, подушку, 6 паръ бѣлья, — 3 ручники, 6 носовыхъ хусточокъ, зимовое и лѣтное убранье, плащъ, 2 пары чобôтъ, 6 паръ шкарпитокъ, або онучокъ, щетки до чищенья убранья и обуви, — мыло, зеркальце, гребень. Лôжко даетъ Бурса.

Прошенье о принятье въ Бурсу — могутъ вносити ученики всѣхъ клясъ и школъ въ Горлицяхъ, т. е. гимназіи, народной и першихъ двохъ клясъ выдѣловой школы.

Правленіе „Русской Бурсы“ въ Горлицяхъ:

о. Вл. Калужняцкій председатель. *Феодотъ Танчинъ* секретарь.

Подорожъ Ваня Гунянкы до святого Кіева.

Вычитавъ я въ „Голосѣ Народа“, — бай и въ „Лемку“, же выбератся „компанія“ зъ нашихъ руснакôвъ до Кіева на выставу. Хоцъ было писано, же то ма быти компанія паньска, же хлопи пôдутъ пôзнѣйше, але собѣ мышлю, — же при панахъ чловекъ скоре дашто оближе, — скоре дашто видитъ, бо пана сяди пустятъ, шитко вкажутъ. Што панъ, то панъ и хоцъ бы якъ голосили, же хлопъ такій цанъ, якъ и панъ, та все панъ паномъ, якъ тотъ іегомосьць съ Креницѣ бесѣдуютъ, ма деликатнійше сумѣня и душу, а на земли и въ пеклѣ все перше мѣсце му отсту-

пуютъ. — И знате, все лѣпше видно зо заплечи панôвъ, якъ напередъ при хлопахъ. Тай выберамъ я ся до Кіева.

Бѣда съ „пашпортомъ“, — бо панъ староста Кіева ся боятъ, яхъ чортъ свяченой воды, але по торгахъ, по яйцяхъ, курахъ и качкахъ для панѣ комисарьовой пашпортъ я доставъ, тай лемъ ѣхати. — Алемъ ничъ о тôмъ въ дома никому не повѣвъ, бомъ ся боявъ старой, же або буде мя тримала, або буде зомномъ ся зберала, — ажъ такъ денъ предъ тымъ гварю: „Слухай стара, я ся обѣцявъ на отпустъ Боже пріймій до Кіева — ищы втоды, якъ емъ былъ такій хорый, та заранъ ся выберамъ, бо иде компанія“. Стара на мя очи вытрищила, якъ тритцетъ дуткôвъ:

— „Ты штоси, гваритъ, циганишь!“

— Ничъ не циганю, правду бесѣдую, то лемъ бабы байкы ради!“

— Но та якъ есъ ся обѣцявъ, та южъ идъ. — Але не треба ся было такъ далеко обѣцювати.

— Е — гварю — што ты знашь! Та може буду ся обѣцювавъ на Кальварію, або до Кобылянкы, або Кракова, до Ченстоховы по польскыхъ отпустахъ! — Волю я разъ звидѣти свои русскы святынѣ, помолитися при мощахъ нашихъ святителей Антонія и Феодосія Печерскихъ, якъ лѣтати каждый рôкъ по пôльско-іезуитскыкъ отпустахъ, якъ ты!

— Слухай стари, — а може мы бы обое пôшли?

— Нѣ — реку — пôду самъ, а якъ дастъ Богъ дочекати, та на другôй разъ пôдешь ты!

И якоси я знате утихомирилъ стару, удобрухалъ, што мѣ и мериндю приготовила и тоболокъ якъ суцо зробила и помогла ся мѣ зобрати и якисы пѣнязѣ съ яецъ мала, та мѣ до торбы вштурила и на дорогу прежегнала.

Убралъ я ся по хлопскы: Гуньку, бѣлы споднѣ, друшлякъ синый, керпцѣ, бѣлый тлумакъ презъ плечи, якъ въ подорожъ.

Треба было ѣхати до Львова, якъ писали, — бо тамъ зме ся мали зобрати въ русскôмъ касинѣ. До мѣста я пришовъ пише, — а въ мѣстѣ купивъ тикетъ до Львова и сѣвъ до кольеѣ. Сѣвъ я на нôчь такъ, жебы рано быти во Львовѣ. Ѣхавъ я съ якисымъ „соціялистомъ“, — пянымъ якъ штокъ, деси ищы зъ выборчого руху. — Зачавъ зомномъ бесѣду и гваритъ, же ôнъ „соціялиста“ и старатся о тото, — жебы шыткы люде на свѣтѣ были рôвны, шыткы еднако ѣли и еднако робили и еднако вѣрили и еднако ходили и такъ дале.

— Добрѣ вы бесѣдуете, але якъ бы шыткы засъ такъ пили, якъ вы, та бы было планно, бо бы такой робити не былъ хто и ходити бы не былъ хто. Мôй соціялиста не мавъ часу ся образити, бо захрапѣвъ, што въ тôмъ му нихто выpôвнати не мôгъ...

На рано пріѣхавъ я до Львова — Нашъ русскій городъ, — бо на русской земли, — русскимъ княземъ Даниломъ въ честь свого сына Льва основаный, — а теперь! Идешь улицьомъ та спôткашь: ляха — жида — іезуиту, ляха — жида — іезуиту, ляха — жида — іезуиту, а русского чловека ани дыху! Не знамъ, ци зато, же то было рано, а руснакъ радъ довше поспати, але русского слова чути не было. А на мене ся такъ ззерали, на мою гуньку, на керпцѣ, якъ на даякого людоѣда! Кусъ вступилъ я до церкви св. Юра, — помолився за русску долю и пôшовъ глядати того русского касина.

Нашовъ я тото русске касино, — входжу, люда... зо тритцетеро, шитко ся крутитъ, еденъ другого не зна, на мене позераютъ, цимъ якый не шпьегъ, але же мя хтоси знавъ, тай му звѣрили.

Теперь пытаня, хто тоту компанію поведе, бо львôвскы панове ѣхати съ нами не хтѣли, бо были меже нами и хлопи и кравцѣ и шевцѣ и коминяре и маляре, та ѣхати разомъ редакторамъ, адукатамъ, докторамъ, якоси цкливо. Хоцъ и такъ было меже нами зодвохъ адукатôвъ, — сендзя и кельохъ академикôвъ. Съ хлопôвъ было двохъ: — Я, лемко и еденъ гуцулъ въ кожусѣ. Бо мусите знати, же гуцулы, ци зима ци лѣто, та въ кожухахъ ходятъ. Видно было, же каждый въ другу страну смотритъ, та я тѣжъ въ третьою ся обернулъ. Але на стаціи зме ся зышли, де ждало на насъ бôльше шпицлѣвъ якъ насъ всѣхъ было такъ, же собѣ каждый зъ насъ единого обралъ, — а кельохъ не мало што обрати, та пôшли домôвъ. Але мы на то ничъ ни зважали, — лемъ зме сѣли до вагонôвъ, тай мало помало доѣхали до границѣ. На граници насъ обзерали зо шыткыхъ странъ на тôй странѣ, зо шыткыхъ странъ на тамтôй странѣ. — Але тамъ на тамтôй странѣ змѣна окрутна, москале хлопи, якъ дубы, всяди шитко по русски, по русскы бесѣдуютъ, по русски кнутъ! — Видно, же на вôльной русской земли ся родили и выховали, — же они ту панове, они розказуютъ! Тамъ голосно гварятъ: „Иже отъ Отца исходящаго“... По русски тамъ дыхаютъ, по русски Бога хвалятъ! Знявъ я капелюшъ на русской свободной землицѣ и змовилъ горячу молитву.

Предъ вечеромъ зме сѣли до вагону и ничъ ся не змеркло, — тамъ смотрѣлъ на широку русску землю, — а якъ ся змеркло, тамъ пôшовъ спати.

(Дальше буде).

ОТЪ ТЫЛИЧА.

Вниманьо Тыличанъ.

СКАУТЪ:

Прошу тебя мой милый другъ
Всказать мнѣ въ польскій Тыличъ путь.
Тида „zruszczono“ все вокругъ,
А я хотѣлъ бы отдохнуть,
Въ Тыличѣ польскомъ гдѣ-нибудь;
Спокойна средъ Поляковъ грудь.

ЛЕМКО:

Скажи съ какихъ то Тыличъ поръ
Вдругъ сталсл польскимъ городомъ?
Какой ужасный, смѣлый вздоръ!
Обманомъ, крикомъ и мечемъ
Владѣтъ хотите надъ землей
Столь славныхъ, нашихъ всѣхъ князей?

СКАУТЪ:

Земля здѣсь польская и міръ
Сказать весь можетъ что здѣсь мы
Были гонителями тьмы,
Когда Великій Казиміръ,

Потомъ Ягейло и Ядвига,
Владѣли этими землями.
Не знали вы неволѣ, ига,
Межъ нами разницы и вами.

ЛЕМКО:

О дѣды, прадѣды, отцы,
Предъ Казиміромъ мертвецы
Изъ древнихъ встанте вы могилъ,
Сказать, кто здѣсь предъ Ляхомъ жилъ,
Въ давно забыту старину,
Да „skaut“-овъ, „strzel“-цовъ, волокитъ
Прогнать на западъ въ сторону,
Гдѣ Висла весело шумитъ!

Зачѣмъ краса родного края
Къ себѣ васъ „skaut“-овъ не манитъ?
Ненависть, ядъ въ душѣ скрывая
Ко всему русскому народу,
Притварно каждый голоситъ
Любовь, согласье и свободу.

СКАУТЪ:

Скажи, куда ити, ужъ ночь!

ЛЕМКО:

Не въ силѣ я тому помочь,
Кто ложь въ глаза бросаетъ мнѣ,
Какъ будто говоритъ во снѣ,
Бакъ вотъ, какое примиленье!

О Тыличъ, родная страна
Не такъ воспитывать должна,
Печеро младое поколѣнье!
Хотя не можешь ты прогнать
Ужъ загнѣздившагося змѣя,
(Что глотитъ васъ, хотя не смѣя
Дѣтей вамъ явно пожерать)
Но радо жизнь свою оддать
За такъ гонимую Русь-мать,
Что врагъ ей въ грудь послалъ свой ножъ!
Вотъ какъ должна ты воспитать
Свою надежду-молодежь.

Пусть, въ мукахъ ядовыхъ горитъ
Всѣми проклята эта дочь,
Что врага своего любитъ,
Что любовь эту превозмочь
Любовью къ родинѣ не можетъ.

Пусть смерть всегда ее тревожитъ,
Пусть громы бьютъ въ глаза ея,
Пусть дня не будетъ для нея,
Пусть будетъ молоко ей адомъ,
Что съ груди матери выссала,
Пусть жизнь ея лишь будетъ ядомъ,
Чтобъ болѣ братьевъ не бросала.

Пусть будетъ всякій тотъ проклятъ,
Кто въ любви къ родинѣ остынетъ,
Кто мать, отца, сестры покинетъ,
Измѣнникъ онъ — проклятъ, проклятъ!

Мечтатель.

КОНКУРСЪ.

Общество „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ объявляетъ конкурсъ на принятіе настоятеля бурсы на учебный годъ 1013/14. — Условія по догорору. Первенство имѣютъ студенты университета, русской народности, владѣющіе хорошо русскимъ литературнымъ языкомъ въ словѣ и письмѣ. Прошенія подавать въ Совѣтъ Об-ва по 15. н. ст. августа т. г.

Отъ Совѣта Об-ва „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского, въ Новомъ Санчѣ.

Д-ръ А. П. Гассай — предсѣдатель. *Иванъ С. Пилатъ* — секретаръ.

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одежу,
Тай лемковску съ крикомъ-гукомъ преступили меджу.
Хтѣли вѣру „инакшыти“ русскость закопати
Нашу святость одобрати и свою намъ дати

—

Лемъ-же лемкы ся збачылы, бо тварь не козацка,
Але „лика“ Русь-здрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ...
Небораки „мазепинцѣ“ съ йойкомъ оглѣтуютъ...

—

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Якъ съ Мицькы зробилася собака...

Жилъ въ насъ Мицька, човечокъ маленкій
(Лысу мае голову, баюсикъ долгенкій)
Жилъ си „Мицька“ тихицько, счасливо,
Въ котрый кутикъ посмотришь, богатства [достъ было...
Въ златѣ „Мицька“ богатый, ажи [въ гамбѣ носитъ,
Бо якъ люде гадаютъ и фама голоситъ,
Коли „Мицька“ ужъ не мавъ куды злата [дѣти,
Казавъ собѣ здравы зубы умыснѣ выбити
И для бôльшой „повагы“ золоты вправити.

Добрѣ было...

Кьедъ якъ добрѣ дакому, та добра не [тримать,
Лемъ зъ великого роскошу, за бѣду си [ѣмать!
Такъ и „Миццѣ“ ся здало, же ôнъ велька [„Мица“
И зачавъ съ той велькости выправяти [вица...
Здалося му, што съ него великій политикъ,
Европейскій дипльоматъ, велькій вченый критикъ,
И якъ колиси папа спасавъ царскы троны,
Такъ ôнъ мысливъ, што спасе [єзуитскы боны“
Предъ правдивомъ прадѣдномъ вѣромъ [православномъ...

Жилъ колиси царь Неронъ: Давно тому давно,
Мучилъ вѣрныхъ христіянъ, кровъ ся рѣкомъ ляла;
Предъ Нерономъ, што жило, шитко трепетало!
Хоче Мицька маленкій тѣжъ Нерономъ [быти
И въ дватцетôмъ столѣтю людми ся [бавити,
Хоче быти окрутнымъ, придбати похвалу!..
Слухай Мицько! лемъ дай покôй, помалу, [помалу!
Бо якъ дотля есь „Мицькомъ“, такъ [„Мицькомъ“ зостанешь,
И хоцъ бысъ якъ ся надулъ, та „Мицомъ“ [нестанешь..
Што ся тичитъ Нерона, то исторія така:
Ты хцешь быти царь Неро?!.. Ты Неро-[собака!!!

Не-старостя.

— Якого знате высшого урядника надъ министра?
— Министрову жену, бо министеръ ей мусить слухати.

ВЪ СУДѢ.

Судья: Жалуете того, што сте му гальбу съ пивомъ росковкли на головѣ?

Обвиненный: Та знате-же, пане сендзьо, же жалую, бо треба было перше выпити пиво...

ОШАЛѢВЪ БЫ.

Стара: Слухай старый, штобысъ ты зробивъ, якъ бымъ ти такъ вмерла?

Старый: Ошалѣвъ бымъ!

Стара: И певнѣ бысъ ся другôй разъ женивъ?

Старый: Е, та такъ барзъ бымъ ищы не ошалѣвъ.

ТРЕФНЕ...

Ѣхавъ разъ хлопъ зо жидомъ, тай ся оба скомпанували и жидъ подѣливъ ся съ нимъ свойомъ меридьомъ кошерномъ, давъ му палюнкы кошерной, хлопъ зѣвъ и выпивъ. Але и хлопъ тѣжъ не хтѣвъ быти жидови долженъ, тай вынявъ и свою мериндю, солонину и осухъ, тай проситъ жида, жебы не погордѣвъ. Жидъ повѣдатъ, же то трефне, а ôнъ трефного не може ѣсти, хыбаль же мусить.

Хлопъ приставъ на то, — тай зѣвъ солонину самъ. Вынявъ хлопъ палюнку, тай зась проситъ жида. Жидъ бесѣдуе, же пивъ не буде, бо трефне, добровôльно пити не може, хиба го дахто силомъ до того змуситъ.

Тай хлопъ гваритъ:

— Но пій жиде палюнку, — бо тя забью!

— А такъ што иншого — гваритъ жидъ — теперь мушу пити! Але ты бортаку Ваню, не мôгъ ты мѣ так загрозити при солонинѣ? — Втоды бы мѣ вôльно было ѣсти!

Судья (до обвиненого): Ци мате дашто додати?

Оскарженый: Свѣтлый суде! — Адукатовѣ емъ давъ десятку, писарьови пятку, а для пана сендзьо о сумѣнѣ мѣ ничъ не зостало!

МУДРА СЕСТРИЧКА.

Маленка Ганця ѣстъ ябко и кривится окрутнѣ, якъ субота на пятницю.

Мама: Шмаръ-же говедо тото ябчиско, коли таке квасъ!

Ганця (потихицькы): Оно солодке, але я такъ наумысьнѣ ся кривю, жебы мѣ Ванцьо не одсбравъ.

ВЪ КОРЧМѢ.

— Знате куме, я южъ десять роковъ пью, жебы згрызу втопити и неможу!

— Видите куме, бо за десять роковъ ôнъ мавъ часъ ся научити плывати!

ВСЯДИ ИНТЕРЕСЪ.

Хлопъ: Слухайте Моську, ци бы вы поѣхали бальономъ до повѣтря?

Мосько: Ни слухай Петре, яке ты глупе, пошто бы я до повѣтря ѣхавъ, якъ тамъ не можъ сторити жаденъ интересъ?

— Коли газда естъ головомъ родины?
— Якъ газдынѣ дома немя!

Два приказаня для тыхъ, што ходятъ по гостинахъ:

Якъ хочешь собѣ поѣсти, — тя ся тримай газдынѣ, а якъ хочешь ся опити, та тримайся газды.

ВЪ ШКОЛѢ.

— Што робивъ першій чоловѣкъ панъ Адамъ въ раю?
— Нарѣкавъ, прошу пана!
— А то чомъ?
— Бо былъ голый!

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ДМИТРІЙ ВИСЛОЦКІЙ.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.